12. Лобанова А. Я. «Языковая игра» как основа специфических китайских приёмов толкования сновидений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2020, № 15.

13. Rosen Brenda. The Mythical Creatures Bible: The Definitive Guide to Legendary Being. New York : Union Square & Co, 2009.

14. 吴康. 中国古代梦幻. 长沙 : 岳麓书社, 2009.

15. Сонник Чжоу-гуна // Антология древнекитайской эзотерики: Астрология, гадат. практики, медицина: Числа превращений дикой сливы мэй-хуа : в 2 т. / сост., пер., предисл., коммент. Б. Виноградский. Киев, 1993. Т. 1.

16. Shotwell P. The Game of Go: Speculations on its Origins and Symbolism in Ancient China // American Go Association. – Mode of access: URL: https://www.usgo.org/sites/default/files/bh_library/originsofgo.pdf (date of access: 21.03.2022).

17. 五千年辉煌神传文化之千古英雄人物——尧·舜·禹 // 大纪元. URL: <https://www.epochtimes.com/gb/16/3/29/n7471624.htm> (date of access: 21.03.2022).

18. Духовная культура Китая: в 6 т. / редколлегия : М. Л. Титоренко (гл. ред.) [и др.]. М. : Восточная литература, 2006. Т. 2 : Мифология. Религия.

ЭВОЛЮЦИЯ РИТУАЛА В АВЕСТЕ

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена анализу развития раннего зороастрийского ритуала на основе данных Авесты. Выделены и охарактеризованы три хронологических этапа развития ритуальной практики: доавестийский ритуал (до реформы Заратуштры), ритуал Гат и ритуал Младшей Авесты. Обозначены основные тенденции развития ритуальной практики: усложнение и детализация ритуала, появление различных категорий ритуала. Особое внимание уделено характеристике перечня основных элементов ритуала на разных этапах: мантры, жертва, хаома. Исследование основано на оригинальных текстах Авесты с привлечением как классических научных работ по данной проблеме, так и работ последних лет.

Ключевые слова: Авеста; Древний Иран; зороастризм; ритуал; хаома; ясна.

EVOLUTION OF THE RITUAL IN THE AVESTA

A. S. Miksiuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, miksiukas@bsu.by*

The article is devoted to analysis of the evolution of the early Zoroastrian ritual based on the data of the Avesta. Three chronological stages in the development of ritual practice are

generalized and characterized: the pre-Avestan ritual (before the reform of Zarathustra), the ritual of the Gathas and the ritual of the Younger Avesta. The main trends in the development of ritual practice are outlined: the complication and detailing of the ritual, the emergence of various categories of ritual. Particular attention is paid to the characteristics of the main elements of the ritual at different stages: mantras, sacrifice, haoma. The research is based on the Avesta's original texts, with the participation of both classical and recent papers on the subject.

Keywords: Avesta; Ancient Iran; Zoroastrianism; ritual; haoma; yasna.

Ритуалы неоднократно становились предметом исследований иранистов и авестологов в XIX – начале XXI вв. Вместе с тем, во многих исследованиях, посвященных непосредственно зороастрийским ритуалам, смежным темам или общей характеристике зороастризма, источниковая база включает как тексты Авесты, так и более поздние пехлевийские источники, а также нередко этнографические заметки и анализ современной ритуальной практики. Данное положение дел не лишено смысла и объясняется не только трудностями работы с текстами Авесты, но тем, что авестийские ритуалы во многом идентичны ритуалам современных зороастрийцев. Это связано как с «живучестью» ритуалов, которые менее склонны к изменениям, чем религиозные догмы [1, р. 75], так и с особым требованием сохранения ритуалов в неизменном виде. Однако при наличии достаточно большого числа работ по ритуальной стороне зороастризма ритуалы собственно Авесты продолжают оставаться малоизученными. При этом бесспорным является тот факт, что понимание сути зороастризма и Авесты возможно лишь с учетом глубокого анализа ритуальной практики [2, р. 1].

Данная статья посвящена исследованию эволюции ритуальной практики Авесты. Тексты Авесты неоднородны, существует множество теорий касательно внутренней хронологии источника и условное деление на Старшую и Младшую Авесту, которое является основанием для рассмотрения, как минимум, двух условных временных пластов при исследовании социальных, политических, религиозных институтов. Однако анализ текстов позволяет выделить, по сути, три этапа развития ритуала в Авесте:

- ритуал, существовавший в индоиранском обществе в доавестийские времена;
- ритуал Гат, отражающий реформу ритуала Заратуштрой;
- ритуал Младшей Авесты, закрепившийся в последующем.

Отдельного пояснения требует введение в схему первого этапа доавестийского ритуала. С нашей точки зрения, обращение к доавестийским временам важно, поскольку на основе старых, индоиранских ритуалов и был создан ритуал Авесты. Сравнение дореформенного ритуала и ритуала Авесты может помочь в понимании

особенностей авестийской ритуальной практики. Доавестийский ритуал может быть реконструирован в самых общих чертах на основе текстов Яштов, которые, хотя и относятся к Младшей Авесте, содержат отголоски более древних времен [3, с. 11], а также на основе текстов Ясны, фрагментарно описывающих жречество и ритуал «ложных», т. е. старых, дореформенных культов.

Эволюция ритуала в Авесте наилучшим образом прослеживается через изменения его элементов. Так, на раннем этапе индоиранский ритуал состоял из трех основных элементов: мантры (сакральные тексты), жертвенное животное и сакральный напиток хаома.

Мантры могут быть отнесены ко времени существования индоиранской общности, что подтверждается схожестью самого термина: санскр. *mantra* и авест. *maθra-*. Хотя, вероятно, определенная ритуально-поэтическая терминология складывалась еще до распада индоевропейской общности [4, с. 833]. Мантра могла произноситься последователями «лживых» культов, т. е. теми, кто поклонялся дэвам, демонам (Ясна 31, 18). По своей сути мантра представляла заклинание, составленное с применением особых приемов, не характерных для разговорной речи: повторы, аллитерация, ритм, метрические схемы [5, р. 2–9]). Мантра была обращена к богам с целью восхваления, почитания или обретения поддержки. Так, к примеру, в Яштах за помощью к богам обращаются многочисленные герои и антигерои зороастрийской истории:

– герои: Хаошьянга Парадата (Яшт 5, 21–22), Йима (Яшт 5, 25–26), Кави Усан (Яшт 5, 45–46), Хаосрава (Яшт 9, 2–22) и др.;

– антигерои: туранец Франграсьян (Яшт 5, 41–42), Вандаремаини Ареджатаспа (Яшт 5, 116–117) и др.

Можно особо отметить, что произнесение мантр фиксируется в этимологии многих жреческих терминов Авесты, в т. ч. доавестийского жречества: *karapā* и *kava*. Так, *karapā* происходит от авест. *karp-* («бормотать», «взывать», «умолять»), что, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню **kāu-*, **kēu-*, **kū-* («завывать», «стонать», «голосить», «кричать» [6, р. 535–536]). Термин *kava* является производным от индоевропейского корня **gǝu-*, **goǝ-*, **gū-* («взывать», «кричать») [6, р. 403].

Вторым элементом доавестийского ритуала являлось жертвенное животное, что отражено в Гатах (Ясна 44, 20; Ясна 51, 14). Широко известным тезисом проповеди Заратуштры была защита коровы и особенно запрет на принесение ее в жертву (Ясна 44, 20). Возможно, корова в авестийском обществе могла считаться священным животным. По меньшей мере, именно из-за употребления в пищу мяса коровы называется грешником Йима (Ясна 32, 8). Интересно, что уже в Младшей Авесте жертвенное животное возвращается в ритуальную

практику, причем в весьма разнообразном виде: лошади, коровы, мелкий скот (Яшт 5, 21; Яшт 9, 3 и др.), верблюды (Видевдат 22, 3–4). С учетом того, что в более поздние времена ритуалы с жертвоприношением животных не практиковались, вероятно, в Яштах мы сталкиваемся с отголосками древних ритуальных практик.

Наконец, третий элемент – это сакральный напиток хаома (авест. haoma, санскр. soma). Сходство в культе сомы/хаомы, образе божества, воплощающего сакральный напиток, характеристиках сакрального напитка в текстах Авесты и Вед было отмечено исследователями еще в XIX в. [7, с. 351], а также подтверждено результатами археологических раскопок в Маргиане (Маргусе), где были обнаружены ритуальные предметы и помещения, посвященные культу хаомы [8, с. 54, 71–72].

Предположительно, сакральный напиток готовился на основе одного или нескольких растений, скорее всего, сирийской руты или эфедры [9, с. 55]. Слово haoma происходит от авест. hav-/hu- («выжимать», «вытягивать», «выдавливать»), что указывает на способ приготовления напитка. Хаома обладала галлюциногенными свойствами, что позволяло при ее употреблении в ритуальной практике достигать измененного состояния сознания. В своей проповеди Заратуштра критиковал подобный напиток (не называя его, однако, по имени) и жрецов, которые одурманивают людей (Ясна 48, 10). Вероятно, Заратуштра призывал лишь ограничить употребление хаомы, чтобы оно находилось строго в сфере ритуала, а жрецы не посягали на «долю» божества [10, р. 102].

Обратимся далее непосредственно к авестийскому ритуалу, который изображают Гаты. При достаточно развитой лексике, имеющей отношение к устной речи как компоненту ритуала, в текстах Гат полностью отсутствуют упоминания ритуальных инструментов или же конкретных действий. Фактически в Гатах упоминается лишь о следующих элементах культа:

- чтение мантр (Ясна 28, 1; Ясна 29, 5; Ясна 50, 8);
- «священная жертва», авест. myazda-, которая не имеет конкретного описания (Ясна 34, 3; Ясна 51, 1);
- возлияние жира, авест. āzūtaу- (Ясна 29, 7; Ясна 49, 5);
- молочное возлияние, авест. īzā- (Ясна 49, 5; Ясна 49, 10; Ясна 50, 8; Ясна 51, 1).

Как видим, в данном перечне пара «жертвенное животное + хаома» заменяется парой «возлияние жира и молока».

По сути, результатом реформы Заратуштры стал перенос акцента с ритуальных действий на речевой компонент, т. к. считалось, что слова обладали сакральной силой (Ясна 44, 14 и др.). Характерно, что все

термины, обозначающие жрецов в Гатах, напрямую связаны именно с устной речью, как и рассматриваемые выше термины жрецов старых культов: *maṅθran-* / *maθran-* («тот, кто произносит мантры»), *staotā* («восхвалитель»), *zaotar* («взывающий»).

Подобная значительная смена акцентов в ритуальной практике привлекала внимание многих исследователей, однако истолковывалась она по-разному: повышение «интеллектуальности» ритуала и продвижение идеи духовного развития, борьба с архаическим индоиранским политеизмом [11, с. 89–94] и даже социально-политическая реформа, направленная на подрыв позиций старого жречества и старой знати (к примеру, [12]).

Однако, как уже было отмечено выше, в дальнейшем происходит возвращение в ритуальную практику «отвергнутых» Заратуштрой элементов. Так, элементы ритуала Младшей Авесты снова включают в себя и жертвенное животное, и хаому. При этом стоит оговориться, что жертвенное животное упоминается только в Яштах в контексте ритуалов почитания божеств, проводимых героями авестийского пантеона (к примеру, Яшт 5, посвященный Ардви Суре Анахите), во всех прочих ритуалах жертвенное животное отсутствует.

Ритуалы Младшей Авесты гораздо более детализированные и сложные; появляются перечисления специфических принадлежностей и инструментов жрецов (Видевдат 14, 8; Видевдат 18, 1–4), а также многостраничные описания ритуала. К примеру, есть инструкции по проведению ритуала очищения от загрязнения мертвой материей, т. н. «очищение девяти ночей» (Видевдат 9). В целом усложнение ритуала приводит к появлению разных категорий ритуала в зависимости от целевого назначения:

- регулярные базовые ритуалы и церемонии, направленные на поддержание стабильного миропорядка (ясна, висперад);
- окказиональные ритуалы почитания отдельных божеств, стихий, предков (фраваши; авест. *fravaši*);
- окказиональные ритуалы очищения: от простейших бытовых обрядов, которые могли быть проведены даже не жрецом, до сложных ритуалов, в т. ч. сопровождающих другие церемонии (подробно описаны в Видевдате, который в целом посвящен борьбе с дэвами, силами зла);
- разнообразные социально-религиозные ритуалы, которые сопровождали значимые события в жизни (в Авесте подробно описан комплекс похоронных и поминальных обрядов).

В Младшей Авесте формируется перечень основных элементов зороастрийских ритуалов. Прежде всего, свою роль сохраняют мантры. Далее, хаома снова становится полноценным компонентом ритуала и

играет ключевую роль в ритуале ясны (авест. *yasna* – «жертва», «жертвоприношение», «почитание»). Сама задача-максимум ясны (возвращение мироздания в идеальное состояние бессмертия, «золотого века») соотносится с главным эпитетом хаомы: «препятствующий смерти, авест. *dūraoṣō* (Ясна 9, 2; Ясна 42, 5 и др.).

Жертвенное животное в ритуале ясны заменяется на священный хлеб драону (авест. *draonah-*, ср.-перс. *drōn*) (Ясна 10, 15; Ясна 11, 4-5). Таким образом, пара «возлияние жира и молока» (Гаты) трансформируется в пару «хаома и драона» в Младшей Авесте. Также к элементам добавляется баресман (баресма), авест. *barəšman* – связка священных ветвей, которые жрецы держали в левой руке в процессе чтения мантр (Яшт 3, 18; Яшт 4, 10; Видевдат 14, 8, Видевдат 19, 19 и др.). Баресман, вероятно, тоже можно отнести к индоиранским временам в силу параллели с ведийской жертвенной соломой баррис (*barhis*), однако в Гатах баресман не упоминается.

Отдельно отметим, что в качестве элементов ритуала можно рассматривать также огонь и воду, которые сопровождают большинство ритуалов Авесты. Таким образом, анализ текстов Авесты позволяет выделить три хронологических пласта в развитии ритуальной практики: ритуал, существовавший в индоиранском обществе в доавестийские времена, ритуал Гат, отражающий реформу Заратуштры, и ритуал Младшей Авесты, закрепившийся в последующем. Основными тенденциями развития ритуальной практики являются усложнение и детализация ритуала. Наибольшее число изменений связано с элементами ритуала, присутствие которых обосновывается положениями религии в рассматриваемый период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Drower E. S. The Role of Fire in Parsi Ritual // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1944. Vol. 74, № 1/2.
2. Stausberg M. Contextualizing the Contexts. On the Study of Zoroastrian Rituals // Zoroastrian rituals in context. Boston : Brill, 2004.
3. Стеблин-Каменский И. Предисловие // Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. М., 1992.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1984. 2 т.
5. Beekes R. A Grammar of Gatha-Avestan. Leiden : E. J. Brill, 1988.
6. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Tübingen–Basel : Francke, 1994.
7. Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира / пер. с англ., предисл. И. М. Дьяконова. М. : Наука, 1977.
8. Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М. : Старый сад, 2010.

9. Абдуллаев К. Культ Хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд : Международный институт центральноазиатских исследований, 2009.

10. Mendoza Forrest S. K. Witches, Whores, and Sorcerers: The Concept of Evil in Early Iran. Austin : University of Texas Press, 2011.

11. Ньюли Г. Проблемы и перспективы исследований персидской религии // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4.

12. Абаев В. И. Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. М. : Наука, 1974.

ЯПОНСКИЙ ГЕРОЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ТАЙРА-НО МАСАКАДО: «МСТИТЕЛЬНЫЙ ДУХ» ИЛИ ДОБРЫЙ БОГ?

А. Р. Садокова

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, стр.1, 125009, Москва, Россия, sadokova@list.ru*

Статья посвящена проблеме трансформации в японской народной традиции образов «мстительных духов» в богов процветания. Указывается, что страх перед духами, способными принести несчастья, способствовал стремлению задобрить их. В связи с этим строились специальные храмы, а злые духи обожествлялись, превращаясь в добрых богов. Ставится цель на примере образа известного героя раннесредневековой японской истории Тайра-но Масакадо показать процесс превращения в народной культуре и религии «мстительного духа» в бога-целителя и бога-помощника. Впервые проведенный анализ дает возможность поставить вопрос о закономерностях такой трансформации. Исследование подобного рода дает основание для широкого понимания процессов переосмысления и роли народного восприятия героического прошлого.

Ключевые слова: Тайра-но Масакадо; «мстительный дух»; обожествленный дух; синтоистские храмы; трансформация образа.

JAPANESE MEDIEVAL HERO TAIRA NO MASAKADO: VENGEFUL SPIRIT OR A BENEVOLENT DEITY?

A. R. Sadokova

*Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya Avenue, 11, 125009, Moscow, Russian Federation, sadokova@list.ru*

The study focuses on the transformation of vengeful spirits into deities of prosperity in Japanese folk tradition. It demonstrates that the fear of evil spirits caused people to placate them, building shrines for such spirits and deifying them to the status of benevolent gods. The study aims to demonstrate the process of such transformation on the example of